

"Как у нас было на Русе..."

(Симбирск. губ., с. Станично)

Как у нас было на Русе,
На Русе было, в каменнóй Москве,
Задумал царь жениться,
Царь Иван сударь Васильевич:
Он усватал невесту за себя,
[Невесту за себя] не у нас в Москве,
Он усватал во иной земле,
Не у князя, не у боярина,
Он усватал у татарина,
У того ли черкешанина,
Марью Темрюговну:
Через бóльшую дочь он среднюю берет,
Марью Темрюговну.

Собирался почестной пир,
И все гости съехались, и все соходились,
Все гости пьют и едят,
И все гости кушают,
Белого лебеда рушают.
Один гость хлеба-соли не ест,
Хлеба-соли не кушает,
Белого лебеда не рушает,
Зеленого вина в рот не берет, —
Кастрюк-Мастрюк Темрюгович,
Любимый царской шуринушка.
Он думает думушку, с кем поборотися,
За проклад поводится:
Он хочет камену Москву в полон себе взять,
Он хочет взойти во Кремль-городок,
Он и хочет с нас пошлины брать,
С ворот поворотныя,
А с дымов подымовныя,
С молодиц повалешныя,

А с девиц повенешныя.

Князь Никита Романович,
Входит он в палаты белокаменные:
«Ох ты гой еси, Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Все у нас гости съехалися,
Все гости сходилися,
Все гости пьют и едят,
Все гости кушают,
Белого лебедя рушают.
Один гость у нас хлеба-соли не ест,
Хлеба-соли не кушает,
Белого лебедя не рушает,
Зеленого вина в рот не берет,
На царя лихо думает,
Кастрюк-Мастрюк Темрюкович,
Любимой царской шуринушка.
Думает думушку он, думает крепкую,
С кем поборотися,
За проклад поводится:
Он и хочет камени Москву нашу
Во полон себе взять,
И хочет во Кремль-город взойти,
И хочет сесть на камешке,
И хочет с нас пошлины брать».

И возговорит наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Ох ты гой еси, дядюшка,
Князь Никита Романович!
Взойди ты на крылечушко,
Взойди ты на Красное,
Вскричи ты громким голосом,
Вскричи ты в первый раз,
Вскричи ты в другой раз,
Вскричи ты в третий раз,
Чтобы слышно было по всей Москве,
Чтобы шли таковы борцы,
Не спрашивавши и не докладываявши,

На мой на царской двор,
На мой на почестной пир!»

В то время не случилось в Москве борцов:

Разъехалися по торгам по ярморкам.

Услыхали из Нова-города

Два братца два рóдные,

Два Ивана два Ивановича,

По прозванью Кашинины:

Приходили на царской двор,

На его на почестный пир.

Они по двору похаживали,

Шапочки заламывали,

Чулочки подтягивали,

Усы за́ уши закладывали:

«Есть ли у вас борцы, добры молодцы?

Подавайте нам их!»

Князь Никита Романович:

Входил в нову горенку:

«Ох вы гости мои, полюбовны мои!

Вот у нас хлеб-соль на столе,

А пришли борцы на дворе:

За что вы приметесь-ухватитесь,

За хлеб за соль, за белого лебедя,

Иль за доброго мóлодца?»

Кастрюк-ат кинулся,

Он все столы повалил

И все придано подавил:

Выходил на крылечушко,

Выходил он на Красное.

Принимает его малый брат,

Малый брат Иванушка:

Он по двору похаживает,

Кастрюка поваживает;

Он перву-то пошибочку пошиб, —

С Кастрюка черну шляпу сшиб;

А другую-то пошибочку пошиб, —

С Кастрюка сапожки долой сшиб;

А третью пошибочку-то пошиб, —

С Кастрюка-то всю одежду сшиб:
В чем мать родила, на свет пустила.
Кастрюк-то сором зажал,
Да под крылец побежал.

Увидала его сестра,
Марья Темрюговна,
Из высокого терема,
Из косящатого окошечка:
«Ты мужик-то, мужик, мужичий сын,
Крапивныя твои сѣмена!
На что ты Кастрюка поборол,
На что ты с него платье сшиб,
[Платье сшиб], нага пустил?»
Возговорит наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Ох ты баба, баба блядь,
Татарския твои сѣмена!
Не то-то мне дорого,
Что татарин хвалится,
А то дорого, что крестьянин тешится!»

(Запис. А. М. Языковым)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.